

**Отечественные записки, учебно-
литературный журнал. Том 86**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
О-82

О-82 Отечественные записки, учебно-литературный журнал. Том 86 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 990 с.

ISBN 978-5-518-09561-8

ISBN 978-5-518-09561-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ,
УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatae plane aures, quae non vocem
foris sonantem, sed intus auscultant
veritatem docentem.

Gersonius.

ТОМЪ LXXXVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАВА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, 1 января 1853 года.

Ценсоръ А. Фрейманъ.

Г.

Д И Н А.

РОМАНЪ.

Часть первая.

ПРОЛОГЪ.

Домъ былъ старъ и невеликъ; сосѣди поговаривали, что онъ не входитъ въ планъ, что его прійдется сломать; потомъ, хозяева собрались разбить передъ фасадомъ небольшой зеленый палисадникъ, и домъ вошелъ въ одну линію съ другими домами этой улицы; хозяева успокоились, сосѣди перестали говорить. Домъ былъ старъ, но еще далекъ отъ своего разрушенья. Говорятъ, будто онъ стоитъ и до-сихъ-поръ, будто розовые кусты разрослись, а бѣлая акація протянула свои неровныя вѣтви далеко, далеко на крышу. Въ немъ живетъ кто-то: незримо, но ошутительно присутствіе заботливаго существа. Всякую весну въ палисадникѣ всходитъ душистая резеда, ползетъ по акаціи разноцвѣтная павлика и тихо колеблетъ свои голубые и розовые колокольчики надъ отворенными окнами. Но тогда... Окна въ домѣ были открыты всѣ, отъ перваго до послѣдняго. Женщина въ лохмотьяхъ, изнуренная, съ трудомъ удерживая на обнаженной рукѣ больнаго и капризнаго ребенка, протянула другую руку черезъ палисадникъ: «Подайте за упокой души, Христа ради... Царствіе небесное покойнику...» говорила нищая жалобнымъ голосомъ.

Она долго лепетала несвязныя слова, неотступно протягивая руку; на другой рукѣ барахтался, бился и кричалъ больной ребенокъ. Неотступность ея вѣрно была возбуждена упорнымъ молчаніемъ и неподвижностью другой женщины, опрятно-одѣтой, но въ глубокомъ траурѣ, которая стояла посреди комнаты, ухватясь за спинку стула. Она высунулась на улицу и, сказавъ нѣскольکو-нетерпѣливымъ голосомъ: — «Я вышлю, вышлю», захлопнула окно. Нищая отошла, ворча что-то сквозь стиснутые зубы. Женщина въ траурѣ сдѣлала шагъ къ дверямъ и оглянулась; невидя никого за окномъ, она возвратилась къ прежнему мѣсту и снова задумалась, вперивъ глаза въ самую средину комнаты. Видно, мысли ея были очень печальны: брови крѣпко сдвигались, лицо блѣднѣло постепенно; потомъ сильная дрожь охватила ее всю, пробѣжала по ней змѣей, шевельнувъ каждый волосокъ на головѣ; слезы закапали.

«Тихо теперь, тихо послѣ всего...» сказала она: — «тихо, какъ тамъ, у него... Гдѣ, тише? Здѣсь пустыня!..» Говоря это, она крѣпко сжала руками голову.

Лицо ея было блѣдно и худощаво; въ молодости она, вѣрно, была очень-хороша. Черты до-сихъ-поръ сохраняли правильность и благородство; въ волосахъ серебрилась мѣстами сѣдина; глаза угасли отъ долгихъ, безконечныхъ слезъ, въ которыхъ тонулъ и въ эту минуту ея грустный взоръ. На черномъ платьѣ лежалъ густой слой пыли, пыли, которую она глотала въ продолженіе двухъ страшныхъ часовъ, идя, шагъ-за-шагомъ за гробомъ своего мужа. Она или не успѣла, или не хотѣла стряхнуть эту пыль. И вотъ послѣдній обрядъ конченъ... Все сдѣлано для него, все, что велитъ обычай, чего требуетъ установленный порядокъ; больше ничего не прійдется дѣлать... онъ остался тамъ... одинъ. Она возвратилась въ домъ, страшно-опустѣлый, и обратилась наконецъ къ себѣ печальной мыслью.

Я не знаю ничего ужаснѣе этой минуты, ничего страшнѣе этого возврата мысли послѣ того, какъ она такъ долго была устремлена на другіе предметы. Человѣкъ видитъ себя вдругъ съ чувствомъ боли и усталости во всѣхъ членахъ, на днѣ глубокой пропасти, сознаетъ въ себѣ отсутствіе воли, уничтоженіе силы; горячій лучъ проникаетъ сквозь узкое отверстіе и бьетъ въ его голову, а онъ подняться не можетъ,

и не хочетъ, весь отдаваясь своей безпомощности. Это ли было съ Клавдіей Николаевной?.. Она чувствовала еще нѣчто гораздо-худшее, невыразимо-горькое... Она въ первый разъ, послѣ многихъ мѣсяцевъ, взглянула на себя: до-тѣхъ-поръ ей некогда было собой заняться, и пустыня, которая постепенно дѣлалась вокругъ нея, только теперь сказала ей совершенной пустыней. Она не замѣчала, какъ распадались вокругъ общественныя связи, какъ гасло общественное значеніе, какъ сжимали ее въ своихъ костлявыхъ рукахъ различныя лишенія, какъ потомъ засматривало въ лицо униженіе во всѣхъ видахъ, какъ самое родство и дружба теряли свое значеніе, до такой степени они были одиноки... Но нѣтъ, она была тогда не одна: въ душѣ ея была забота о больномъ мужѣ и этой заботой покамѣстъ вся жила она. Она двигалась, суежилась безпрестанно; она могла совершенно о себѣ не думать, думая такъ много о другомъ, дорогомъ ей существѣ. Но его не стало! Еще оставалось здѣсь безжизненное тѣло, для котораго приходилось хлопотать: одѣтъ надо было, присмотрѣть, горятъ ли свѣчи, читаетъ ли дьячокъ, гробъ заказать, наконецъ провести съ нимъ и надъ нимъ послѣднія ночи, а потомъ пройти за балдахиномъ двѣ версты, да бросить горсть земли. Все это было ужасно, но ужаснѣе всего — возвратиться къ себѣ, проходя увидѣть какъ отдыхаютъ молчаливо по угламъ всѣ домашніе; войти тихо въ ту комнату, гдѣ еще такъ недавно пѣли, молились, суежились, гдѣ всѣ служили ему въ послѣдній разъ, гдѣ и она въ послѣдній разъ ему служила — войти, запереть за собой дверь, спросить у себя... Или нѣтъ, не спросить, а сказать себѣ страшное слово: пустыня!.. сказать это слово въ отвѣтъ на робкій вопросъ: «что здѣсь теперь, что со мной?»

Въ такомъ состояніи находилась Клавдія Николаевна. Шестнадцать лѣтъ она прожила счастливо съ человѣкомъ, котораго страстно любила; вмѣстѣ они выпили чашу радостей, и ей теперь досталось допивать послѣ него горькую чашу, начатую также вмѣстѣ. Она припоминала всѣ мельчайшія подробности недавней, потрясающей сцены; глаза ея впивались въ то мѣсто, гдѣ, за два часа передъ тѣмъ, стоялъ гробъ. Какъ-будто ждала она, что призракъ этого гроба встанетъ, отражаясь и дрожа въ слезѣ, которая бродила по ея рѣсницамъ; слухъ повторялъ, стучалъ о больную память похороннымъ напѣвомъ... и вдругъ,

*

голова ея поднялась, руки затрепетали, сердце вздрогнуло, вся вздрогнула Клавдія Николаевна. Шибкими шагами она бросилась направо, прошла всю комнату дрожа, не смѣя оглянуться; ей казалось, что кто-то шелъ за ней близко, близко, касался холодной рукой ея плеча; она быстро толкнула дверь и очутилась въ слѣдующей комнатѣ, посреди своихъ четверыхъ дѣтей; тутъ она остановилась молча. Старшая изъ двухъ дѣвочекъ плакала и молилась, стоя на колѣняхъ передъ стуломъ, на который облокотилась обѣими руками; меньшая тоже стала на колѣни, сложила руки для молитвы и всхлипывала, горько глядя на сестру. Ея каштановые волосы прыгали отъ движений прихотливой головки, красиво падали по открытой шеѣ и черному платьицу; смуглое лицо выглядывало изъ-за волосъ и большіе темные глаза печально засматривали въ лицо сестрѣ. Старшая была несравненно-красивѣе; черные волосы, подобранные гладко подъ гребенку, лоснились какъ атласъ на миньютюрной головкѣ; тонкая бровь и густыя рѣсницы рѣзко отдѣлялись отъ изумительной бѣлизны правильнаго и красиваго лица, и изъ-подъ этихъ рѣсницъ глядѣли большіе голубые глаза, утопавшіе въ слезахъ. Вся ея небольшая фигура отличалась необыкновенной стройностью; руки и шея были бѣлѣе алебаstra.

— Надя, Варя, перестаньте плакать! сказалъ имъ отрывисто братъ, стоявшій спиной къ окну; но ему самому очень хотѣлось плакать; щеки пылали ярче краснаго воротника его гимназическаго мундира. Онъ отвернулся, чтобъ не глядѣть на мать, которая стояла въ дверяхъ, заломивъ руки.

Ему было лѣтъ пятнадцать, а на видъ казалось меньше; онъ былъ худощавъ, малъ ростомъ; маленькая рука его сильно ухватилась за подоконье. Онъ стоялъ давно ужъ, прислонясь къ стѣнѣ, и давно глядѣлъ на плачущихъ сестеръ. Черные глаза его сверкали; отъ огня ихъ какъ-будто высыхали слезы, прежде нежели успѣвали скатиться съ рѣсницъ; бѣлокурые волосы были плотно острижены подъ гребенку и всю голову очертила одна круглая, правильная линія. Впалая, узкая грудь сильно волновалась, надрываясь отъ удерживаемыхъ рыданій; острый подбородокъ упирался крѣпко въ красный воротникъ мундира.

— Дѣти, вокругъ насъ пустыня! болѣзненно простонала

Клавдія Николаевна, а через нѣсколько дней, какая будетъ вокругъ *меня* пустыня! Она закрыва лицо руками.

Въ отвѣтъ на это удвоились рыданья двухъ сестеръ и крупныя слезы заструились по черному сукну гимназическаго мундира. Клавдія Николаевна громко плакала, ломая руки.

— Мы будемъ къ вамъ приходить, сказала Надя задыхающимся голосомъ и неуспѣвая отирать слезы, струившіяся по ея смуглому личику.

— Мы будемъ пріѣзжать... правда, Варя? сказалъ гимназистъ, обращаясь къ старшей сестрѣ.

— Ты будешь заѣзжать за мной, Поль, сказала Варя, спрятавъ заплаканное лицо въ подушку стула. Въ это время солнце заглянуло прощальнымъ лучомъ въ комнату. Оно тоже имѣетъ нѣжныя, сострадательныя, любящія лучи, и шлетъ ихъ къ страждущимъ. Подобный лучъ не разъ отыскивалъ больнаго, который былъ не въ силахъ самъ его отыскать, заботливо заглядывалъ въ комнату и пытался согрѣть страждущее сердце—и сердце радовалось, и глаза съ любовью слѣдили за игрой добраго луча на стѣнѣ, на образахъ въ углу комнаты, на бѣлыхъ занавѣсахъ страдальческой постели. Пожелайте друзьямъ вашимъ видѣть надъ собой во всякое время жизни голубое небо и надежду, а въ минуту недуга и страданій пусть блеснетъ тихій, закатный лучъ надъ ихъ постелью—это все—равно если бы вы пожелали имъ не умереть одиноко.

Одинъ изъ такихъ лучей глядѣлъ привѣтно на заплаканныя лица, гулялъ тихо по озаренной имъ комнатѣ; потомъ спустился къ старой красной кушеткѣ и, дрожа, отразился въ слезѣ четырехлѣтняго ребенка, которую тотъ забылъ на своей пухленькой щекѣ, засыпая. Усталый ребенокъ дремалъ съ игрушкой въ рукахъ, поднятой имъ, видно, мимоходомъ; щочки его были влажны отъ слезъ. Клавдія Николаевна машинально опустила подлѣ него на кушетку и горестно задумалась.

Черезъ минуту она подняла голову и сказала.

— Дѣти, пойдите сюда! Перестаньте плакать; надо стараться быть добрыми людьми, хорошо учиться... чтобъ *онъ* тамъ былъ нами доволенъ. Она заплакала. — Васъ возьмутъ отъ меня, дѣти: не забывайте меня!... Я не могу вамъ дать воспитанія, я отдаю васъ... добрые люди васъ берутъ. Воспитаніе, таланты особенно—нужны бѣдному человѣку: старайтесь пріобрѣсть ихъ... Поль и Варя, васъ крестная мать бе-

реть, графиня, богатая; вамъ будетъ хорошо; не забывайте бѣдной матери, которая взрастила васъ—была для васъ...

— Какъ можно! воскликнула Варя, заливаясь слезами.

— Ахъ, мамá, вѣдь я вамъ сказалъ, что мы будемъ къ вамъ прїѣзжать! сказалъ съ досадой Поль, и отошелъ въ сторону.

— Не сердись!.. А ты, Надя, будешь у Марьи Ивановны. Она добрая; сама гувернанткой скитается по чужимъ домамъ, а беретъ тебя, чтобъ дать воспитаніе. Смотри, Надя, слушайся! ей не разъ будутъ за тебя непрїятности. Трудно быть между чужими дѣтьми; тебѣ будетъ трудно, и ей не легко отъ этого будетъ... это мой старій, мой добрый другъ!... Снова голосъ ея задрожалъ. — Миѣ только Миша останется. Что съ нимъ будетъ, что я изъ него сдѣлаю? И она прижалась лицомъ къ спящему ребенку.

Помолчавъ немного и собравшись съ духомъ, она снова подозвала дѣтей.

— Дѣти, помните, что у васъ есть мать, что есть уголь, гдѣ она живетъ, гдѣ вы можете отдохнуть, когда вамъ это будетъ нужно. Что бъ со мной ни было, я не продамъ нашего домика; скорѣе перенесу всѣ лишенія, проживу какъ-нибудь, только обѣщайте, что я всѣхъ васъ здѣсь снова увижу.

— Да мы ужъ обѣщали вамъ, мамá, сказалъ Поль.

— Отчего вы намъ не вѣрите, мамá? сказала Варя.

— Вѣдь и меня отпуститъ къ вамъ Марья Ивановна? подхватила Надя.

— Знаете ли, сказалъ Поль, нѣсколько подумавъ:—когда я буду докторомъ — а вѣдь я непременно буду докторомъ — когда я буду докторомъ, я поселюсь въ нашемъ городѣ и буду прїѣзжать къ вамъ непременно, хоть на одинъ цѣлый вечеръ въ недѣлю — вотъ увидите! И онъ увѣрительно кивнулъ головой.

— И я! сказала Варя.

— И я непременно, прибавила Надя.

— И я тоже, мамá, вмѣшался Миша, который давно ужъ вслушивался въ этотъ разговоръ, поднявъ внимательно голову.

Всѣ невольно улыбнулись, даже Клавдія Николаевна.

— На что тебѣ? сказала Варя: — ты будешь всегда съ мамашей; мы всѣ будемъ съѣзжаться въ одинъ день, не

справда ли? прибавила она, обращаясь преимущественно къ Полю.

— Конечно, въ одинъ день, отвѣчалъ онъ.

— Хорошо, дѣти, помните же, сказала Клавдія Николаевна и задумалась, нѣсколько-утѣшенная. Ей представилась та минута, когда всѣ они, взрослые, полные надеждъ, быть-можетъ, обеспеченные, быть-можетъ, счастливые, будутъ входить въ эту маленькую гостиную, въ которой всѣ теперь вмѣстѣ плакали, и какъ ей будетъ весело, и какой для нея настанетъ тогда праздникъ!..

— А какой мы выберемъ день? спросила вдругъ Надя.

— Воскресенье!.. воскликнула Варенька.— Или нѣтъ, прибавила она тутъ же въ раздумьи — по воскресеньямъ, можетъ-быть, гости будутъ у крестной татаи и она меня не пуститъ.

— Хорошо еще, если она здѣсь будетъ жить, возразилъ Поль: — вѣдь она всегда въ Москвѣ живетъ.

— Нѣтъ ничего легче, какъ жить ей здѣсь, сказала съ увѣренностью Варя: — вѣдь она тутъ теперь. Здѣсь у ней имѣнье, и я ее упрошу, когда буду большая.

— Такъ будемъ пріѣзжать по вторникамъ, сказала опять Надя.

— Что теперь объ этомъ толковать! прервалъ нетерпѣливо Поль.— Докторъ долженъ выбрать день: докторамъ не всегда можно; мы тогда увидимъ. И будущій докторъ, въ свою очередь, задумался.

Черезъ недѣлю большая, покойная карета остановилась передъ домомъ Клавдіи Николаевны; изъ нея вышла графиня, высокая, худощавая и величавая съ виду. Величавость, впрочемъ, проявлялась только въ походкѣ, а въ лицѣ ея была бездна доброты и веселья. Она говорила такъ живо и такъ привѣтно улыбалась, что вся эта величавость не шла далѣе ея первой *manière de se présenter* (слово, которое невольно говоря о ней, всѣ повторяли, непытаясь переводить на нашъ языкъ, вопервыхъ, потому-что оно дурно переводимо, а во вторыхъ, потому-что графиня часто его употребляла, привыкнувъ пестрить разговоръ свой французскими фразами). Она была шестью годами старѣе Клавдіи Николаевны. Нельзя

сказать, чтобъ онѣ росли вмѣстѣ; Клавдія Николаевна и Марья Ивановна (гувернантка) были взяты въ домъ Д***, чтобъ молодой графинѣ не скучно было брать уроки англійскаго языка и музыки, за которую ей вздумалось нѣсколько-поздно приняться, а въ-сущности для того, чтобы ей не быть одной, чтобъ было съ кѣмъ перемигнуться стоя vis-à-vis въ кадрили, уйдти въ садъ безъ ворчливой миссъ Джефрисъ; посмѣяться надъ обожателемъ, котораго прочитъ маменька въ женихи, тогда-какъ онъ не нравится; пересказать свой разговоръ съ тѣмъ, на котораго именно маменька косится, потому-что онъ немножко промотался, *voilà le grand malheur!*...

Молодую графиню звали Серафимой; имя это найдено впоследствии времени негармоническимъ и потому оно тотчасъ же превратилось въ Сару. Графиня Сара очень полюбила Клавдію и Мери; имъ всегда было такъ весело втроемъ, что миссъ Джефрисъ была совершенно исключена изъ общества и отретировалась въ комнаты старой графини. Но послѣ смерти старухи, она была заботливо снова переселена во флигель и пользовалась всѣми удобствами, болѣе чѣмъ когда-либо. Странно, однако, что миссъ Джефрисъ со смерти графини стала гораздо-снисходительнѣе, видѣла въ Сарѣ только совершенства и съ удивительной готовностью принимала участіе во всѣхъ ея затѣяхъ. Клавдія Николаевна была давно ужъ замужемъ; а Мери, иначе, Марья Ивановна, неизвѣстно почему, послѣ какого-то продолжительнаго разговора съ надменной старухой, проплакавъ всю ночь, объявила Сарѣ, что онѣ скоро разстанутся, что она давно себя готовитъ въ гувернантки, и, несмотря на сопротивленіе Сары, несмотря даже на убѣжденія графини, оставила домъ ихъ и неумоимо *гувернантствовала*; съ-тѣхъ-поръ, такъ незамѣтно для другихъ, а, можетъ быть и для нея самой, уходила ея жизнь. Причины рѣшимости остались для всѣхъ тайной, но съ самой рѣшимостью многіе сближали таинственный разговоръ Марьи Ивановны съ графиней, а еще болѣе, таинственный разговоръ графини съ сыномъ, молодымъ графомъ Львомъ, и ускоренный отъѣздъ графа Льва въ Петербургъ, гдѣ онъ служилъ въ какомъ-то изъ министерствъ. Камердинеръ графа Льва сообщилъ горничнымъ, что его сіятельство просили у маменьки позволенія жениться на Марьѣ Ивановнѣ, и что ихъ сіятельство изволили разсердиться — вотъ что-съ! Какъ бы то ни было и какъ